

ДЕЛЬФИЙСКОЕ ПРОРОЧЕСТВО И СУДЬБА СПАРТАНСКОГО ЦАРЯ ЛЕОНИДА

О. В. КУЛИШОВА¹⁾, Л. Г. ПЕЧАТНОВА¹⁾

¹⁾Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета,
Менделеевская линия, 5, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

Отмечается, что согласно античной литературной традиции среди греческих полисов именно Спарта была наиболее тесно связана со знаменитым святилищем и оракулом Аполлона в Дельфах, причем не только в религиозном, но и в военно-политическом смысле. Традиция сохранила множество адресованных спартанским царям дельфийских пророчеств, как подлинных, так и составленных постфактум. Одно из них было связано с именем спартанского царя Леонида и его участием в сражении при Фермопилах в 480 г. до н. э. Возможно, сам Леонид прибегнул к помощи дельфийских жрецов, чтобы получить нужное ему прорицание. Геродот передает содержание дельфийского предсказания и в прозаической, и в стихотворной форме. Подчеркивается, что исследователи Нового времени сомневаются в подлинности данного прорицания. Предметом обсуждения являются также обстоятельства возникновения и различные толкования оракула в античных источниках. Делается предположение о том, что разные формы пророчества появились в разное время: прозаическая форма – еще до событий у Фермопил, а стихотворная форма – уже после них. Высказывается мысль о том, что по крайней мере стихотворный вариант пророчества появился после сражения при Фермопилах. Вероятно, он был создан по инициативе царского рода Агиадов, к которому принадлежал Леонид. Подчеркивается, что оракул, согласно которому условием спасения Спарты была объявлена гибель ее царя, стал интегральной составляющей мифа о Леониде. Используя этот миф, Спарта успешно трансформировала поражение в фермопильской битве в победу своих политических и моральных ценностей. Сражение при Фермопилах стало важной частью «спартанского миража», а Леонид и его отряд – героическим примером, на котором на протяжении веков воспитывалась спартанская молодежь.

Ключевые слова: Древняя Греция; Дельфийский оракул; Греко-персидские войны; Спарта; царь Леонид.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 23-28-01360).

ДЭЛЬФІЙСКАЕ ПРАРОЦТВА І ЛЁС СПАРТАНСКАГА ЦАРА ЛЕАНІДА

А. В. КУЛІШОВА^{1*}, Л. Г. ПЯЧАТНАВА^{1*}

^{1*}Інстытут гісторыі Санкт-Пецярбургскага дзяржаўнага ўніверсітэта,
Мендзялееўская лінія, 5, 199034, г. Санкт-Пецярбург, Расія

Адзначаецца, што згодна з антычнай літаратурнай традыцыяй сярод грэчаскіх полісаў менавіта Спарта была найбольш цесна звязана са знакамітым свяцілішчам і аракулам Апалона ў Дэльфах, прычым не толькі ў рэлігійным, але і ў ваенна-палітычным сэнсе. Традыцыя захавала мноства адрасаваных спартанскім царам дэльфійскіх прароцтваў,

Образец цитирования:

Кулишова ОВ, Печатнова ЛГ. Дельфийское пророчество и судьба спартанского царя Леонида. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2024;1:33–41. EDN: LLVWVU

For citation:

Kulishova OV, Pechatnova LG. The Delphian prophecy and the fate of the Spartan king Leonidas. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2024;1:33–41. Russian. EDN: LLVWVU

Авторы:

Оксана Викторовна Кулишова – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории Древней Греции и Рима Института истории.

Лариса Гавришиловна Печатнова – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории Древней Греции и Рима Института истории.

Authors:

Oksana V. Kulishova, doctor of science (history), docent; professor at the department of history of Ancient Greece and Rome, Institute of History.

o.kulishova@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7892-0083>

Larisa G. Pechatnova, doctor of science (history), docent; professor at the department of history of Ancient Greece and Rome, Institute of History.

l.pechatnova@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6065-037X>

як сапраўдных, так і складзеных пастфактум. Адно з іх было звязана з імем спартанскага цара Леаніда і яго ўдзелам у змаганні пры Фермапілах у 480 г. да н. э. Магчыма, сам Леанід звярнуўся да дапамогі дэльфійскіх жрацоў, каб атрымаць патрэбнае яму прароцтва. Геродот перадае змест дэльфійскага прадказання і ў праявічай, і ў вершаванай форме. Падкрэсліваецца, што даследчыкі Новага часу сумняваюцца ў сапраўднасці прароцтва. Прадметам абмеркавання з'яўляюцца таксама абставіны ўзнікнення і розныя тлумачэнні аракула ў антычных крыніцах. Робіцца здагадка аб тым, што розныя формы прароцтва былі створаны ў розны час: праявічая форма – яшчэ да падзей у Фермапілах, вершаваная форма – ужо пасля іх. Выказваецца меркаванне аб тым, што вершаваны варыянт прароцтва з'явіўся ўжо пасля бітвы пры Фермапілах. Верагодна, ён быў створаны па ініцыятыве царскага роду Агіядаў, да якога належаў Леанід. Падкрэсліваецца, што аракул, згодна з якім умовай выратавання Спарты была абвешчана гібель цара, стаў інтэгральным складнікам міфа аб Леанідзе. Выкарыстоўваючы гэты міф, Спарта паспяхова трансфармавала паражэнне пры Фермапілах у перамогу сваіх палітычных і маральных каштоўнасцей. Змаганне пры Фермапілах стала важнай часткай «спартанскага міражу», а Леанід і яго атрад – гераічным прыкладам, на якім яшчэ на працягу стагоддзяў выхоўвалася спартанская моладзь.

Ключавыя словы: Старажытная Грэцыя; Дэльфійскі аракул; Грэка-персідскія войны; Спарта; цар Леанід.

Падзяка. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Расійскага навуковага фонду (грант № 23-28-01360).

THE DELPHIAN PROPHECY AND THE FATE OF THE SPARTAN KING LEONIDAS

O. V. KULISHOVA^a, L. G. PECHATNOVA^a

^aInstitute of History, Saint Petersburg State University, 5 Mendeleevskaya Line, Saint Petersburg 199034, Russia

Corresponding author: O. V. Kulishova (o.kulishova@spbu.ru)

According to the ancient literary tradition, among the Greek city-states, it was Sparta that was most closely connected with the famous sanctuary and oracle of Apollo in Delphi, not only in a religious, but also in a military-political sense. Tradition has preserved many Delphic prophecies addressed to the Spartan kings, both authentic and composed after the fact. One of them was associated with the name of the Spartan king Leonidas and his participation in the battle of Thermopylae in 480 BC. Perhaps Leonidas himself resorted to the help of the Delphic priests to obtain the prophecy he needed. Herodotus conveys the contents of the Delphic oracle in both prose and poetic form. It is emphasised that modern researchers doubt the authenticity of this prophecy. The subject of discussion is also the circumstances of the origin and various interpretations of the Delphic oracle in ancient sources. It is assumed that different forms of prophecy appeared at different times: the prose form even before the events at Thermopylae, and the poetic form after them. It has been suggested that at least a poetic version of the prophecy appeared after the battle of Thermopylae. It was probably created on the initiative of the royal family of the Agiads, to which Leonidas belonged. It is emphasised that the oracle, according to which the death of its king was declared a condition for the salvation of Sparta, became an integral component of the myth of Leonidas. Using this myth, Sparta successfully transformed the defeat at the battle of Thermopylae into a victory for its political and moral values. The battle of Thermopylae became an important part of the «Spartan mirage», and Leonidas and his squad became a heroic example on which Spartan youth were brought up over the centuries.

Keywords: Ancient Greece; Delphic oracle; Greco-Persian wars; Sparta; Spartan king Leonidas.

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (grant No. 23-28-01360).

Введение

При исследовании любой темы, касающейся отношений Дельфийского оракула и греческих полисов в эпоху Греко-персидских войн, главным источником сведений выступают труды Геродота. В данной статье предпринимается попытка оценить подлинность дельфийского пророчества, полученного Спартой согласно Геродоту перед началом сражения при Фермопилах в 480 г. до н. э. – одного из самых известных и трагичных эпизодов Греко-персидских войн. Содержание оракула античные авторы пере-

давали и в прозаической, и в стихотворной форме. У исследователей Нового времени достоверность пророчества вызывает немало сомнений. Предметом обсуждения выступают также обстоятельства возникновения и различные толкования прорицания в античных источниках. Следует заметить, что эта тема является частью важного для истории Спарты сюжета – влияния Дельфийского оракула на укрепление и рост авторитета царской власти в Спарте¹. С проблемой подлинности оракула связана еще одна

¹Согласно античной литературной традиции среди всех греческих полисов именно Спарта была наиболее тесно связана со знаменитым святилищем в Дельфах, причем не только в религиозном, но и в военно-политическом смысле.

тема, также выступающая предметом настоящего исследования. Это реакция царя Леонида на полученное пророчество и степень его влияния на принимаемые царем решения.

Поскольку интересующее нас прорицание касается непосредственно судьбы Леонида, обратимся прежде всего к рассказу Геродота как к наиболее ценному источнику информации. Повествование историка о сражении при Фермопилах построено вокруг анализа

последовательно происходящих событий, в центре которых находится спартанский царь Леонид², стоящий во главе союзного войска. Поскольку текст Геродота не поддается однозначному толкованию, в ходе исследования возникает ряд вопросов, в первую очередь о том, какими соображениями руководствовался Леонид, приняв отнюдь не легкое и с военной точки зрения весьма спорное решение остаться у Фермопил уже после того, как стало известно о заходе врагов в тыл.

Результаты и их обсуждение

О царе Леониде известно чрезвычайно мало. К 480 г. до н. э. он находился у власти уже около 10 лет, однако о его деятельности до сражения у Фермопил ничего не известно. Возможно, это связано с нежеланием спартанцев дискредитировать царя, ставшего после фермопильской битвы национальным героем. Но что ему могли инкриминировать? Несмотря на отсутствие прямых свидетельств, некоторые исследователи предполагают, что царь Клеомен I, сводный брат царя Леонида, не покончил жизнь самоубийством, а стал жертвой заговора, во главе которого стоял именно Леонид, как человек, наиболее заинтересованный в гибели брата. С осторожностью эту версию рассматривает Д. Харви [3]. По мнению П. Картледжа, «Клеомен был убит по приказу... своего младшего сводного брата Леонида. Что касается слухов о пьянстве Клеомена, то, скорее всего, это была дымовая завеса, за которой пытались скрыть как самоубийство царя, так и участие в этом убийстве другого царя» [4, р. 89]. Такого же мнения придерживается и И. Е. Суриков. По его словам, Клеомен I был объявлен сумасшедшим по инициативе родственников, среди которых были не только его братья Леонид и Клеомброт, но и его дочь, а также Горго, супруга Леонида [5, с. 266]. Геродот эту версию не поддерживает, однако исключать такую гипотезу нельзя, о чем свидетельствуют слова Геродота о том, что Леонид «получил спартанский престол неожиданно»³ (Her. VII, 204). Дискуссия по поводу убийства или самоубийства Клеомена I представлена в работах [6, р. 143, note 603; 7, р. 26–51].

Обратимся к событиям в Фермопилах. Как свидетельствует Геродот, в первые два дня противостояния греки успешно отражали нападения персов и даже нанесли противнику значительные потери. Видимо, боевых сил с учетом союзников было достаточно, чтобы отражать атаки персидского войска в ущелье (Her. VII, 202–203).

Однако персидский отряд «бессмертных» во главе со знатным персом Гидарном смог пройти по горной тропе и оказаться в тылу греков. О реакции руководителей союзных отрядов, узнавших, что персы у них в тылу, сообщает Геродот. По его словам, единого мнения о ситуации среди персов не сложилось: «Одни были за то, чтобы не отступать со своего поста, другие же возражали. После этого войско разделилось: часть его ушла и рассеялась, причем каждый вернулся в свой город; другие же и с ними Леонид решили оставаться» (Her. VII, 219). Из этого лаконичного свидетельства следует, что часть армии Леонида фактически дезертировала. Но уже в следующей главе Геродот реабилитирует ушедших, сообщая, что «сам Леонид отослал союзников, чтобы спасти их от гибели» (Her. VII, 220, 1). Правда, выглядит это неубедительно. Решение Леонида отпустить союзников Геродот поясняет следующим образом: «...я именно утверждаю, что Леонид заметил, как недовольны союзники и сколь не охотно они подвергаются опасности вместе с ним... и поэтому велел им уходить»⁴ (Her. VII, 220, 2).

Геродот дает еще одно толкование странному с военной точки зрения решению Леонида отпустить союзнические силы: царь, уже осознавая неизбежность гибели, желал стяжать «славу только одним спартанцам» (Her. VII, 220, 4). Однако, скорее всего, данное объяснение возникло позже как романтическая версия поступка Леонида. Акцент в спартанской пропаганде, по крайней мере со времен Тиртея, делался на важности физической подготовки, тренировки и умения сражаться в гоплитском строю. В качестве высших добродетелей признавались мужество и послушание. Поиски воинской славы в этой концепции не занимали важного места [9, р. 133].

Таким образом, основным мотивом Леонида, принявшего роковое решение сражаться и героически погибнуть в бою, был усвоенный с детства императив,

²Леонид (ок. 540–480 гг. до н. э.) принадлежал к царской семье Агиадов и был сыном царя Анаксандрида (560–520 гг. до н. э.). В первом браке у него родились три сына – Дорией, Леонид и Клеомброт, а во втором браке родился один сын, будущий царь Клеомен I (Her. V, 39–41; Paus. III, 3, 9). Леонид был женат на Горго, дочери своего сводного брата Клеомена I, и имел от нее сына Плистарха (Her. V, 41, 48; VII, 205; IX, 10). Поскольку смерть Клеомена I датируется между 491 и 488 гг. до н. э., точное время воцарения Леонида неизвестно [1, р. 275]. Он стал царем примерно в 50 лет [2, р. 21].

³Здесь и далее перевод Г. А. Стратановского.

⁴Э. Пауэлл полагает, что свидетельство Геродота о Леониде, добровольно отославшем греческих союзников, может быть идеализированной ложной историей [8, р. 14].

который предписывал спартиатам никогда не поворачиваться к противнику спиной. Видимо, на последнем военном собрании Леонид вполне мог объяснить свое твердое решение остаться и принять бой тем, что «ему самому и его спартиатам не

подобает... покидать место, на защиту которого их как раз и послали» (Her. VII, 220, 1). Послушание, как великая добродетель, выдвигается на первый план и в знаменитой эпитафии погибшим спартиатам, которую цитирует Геродот:

Путник, пойди возвести нашим гражданам в Лакедемоне,
Что, их заветы блюдя, здесь мы костями полегли (Her. VIII, 228, 2).

Геродот дает и альтернативное объяснение роковому решению Леонида сражаться до последнего воина: царь действовал так, следуя изречению дельфийского Аполлона. Геродот утверждает, что Леонид знал об оракуле⁵, полученном спартиатами еще в самом начале Греко-персидских войн:

«Или Лакедемон будет разрушен варварами, или их царь погибнет» (Her. VII, 220, 3; Justin. II, 11, 8). Обращает на себя внимание тот факт, что Геродот не ограничился краткой прозаической формой этого прорицания и привел его стихотворный вариант⁶:

Ныне же вам изреку, о жители Спарты обширной:
Либо великий и славный ваш град чрез мужей-персеидов
Будет повергнут во прах, а не то – из Гераклова рода
Слезы о смерти царя пролиет Лакедемона область.
Не одолеет врага ни бычачья, ни львиная сила,
Ибо во брани Зевсова мощь у него и брань он не прежде
Кончит, чем град целиком иль царя на куски растерзает⁷ (Her. VII, 220, 4).

Геродот не сомневается в подлинности данного прорицания, согласно которому жертвенная смерть царя должна стать ценой спасения Спарты. У более поздних античных авторов подлинность этого оракула также не вызывает сомнений (Diod. XI, 4, 4; Plut. Pelop. 21).

Геродот ограничился только цитированием обоих вариантов прорицания и не привел своих комментариев. Ничего он не сообщает и о реакции спартиатов на дельфийское пророчество, предсказавшее гибель царя. Э. Пауэлл считает это весьма странным. Он напоминает, что пророчества, которые были даны Афинам примерно в то же время (Her. VII, 139–143), совершенно другие, более загадочные. К тому же Геродот наполняет свой рассказ об этих пророчествах многочисленными деталями: он называет имена пифии и одного из ведущих жрецов (Her. VII, 140–141), приводит различные интерпретации предсказаний, смысл которых был непонятен афинянам (Her. VII, 142–143) [12, p. 41–42].

Вопрос о подлинности оракула, данного спартиатам, встает уже после битвы при Фермопилах.

Гипотезу о вымышленности оракула поддерживали большинство ученых, когда-либо затрагивавших эту тему⁸. Историчность дельфийского пророчества вызывала и вызывает сомнения прежде всего потому, что оно является слишком простым, недвусмысленным и точно воспроизводит ситуацию сражения при Фермопилах. Если признать оракул ложным, возникает вопрос о хронологии: когда в таком случае он мог появиться? Г. Парк полагал, что поддельное пророчество было составлено вскоре после фермопильской битвы с целью морально поддержать спартиатов и укрепить их стойкость. Как считает Г. Парк, оракул вполне мог быть создан с помощью дельфийского жречества [15, p. 44]. По мнению Г. Цайльхофера, пророчество возникло после сражений при Саламине и Платеях, когда судьба Греции была уже решена и стало возможным заявить (как это сделано в оракуле), что после гибели царя Спарте больше ничего не угрожает [16, S. 22]. В любом случае предполагается, что подделка появилась в ближайшие после сражения у Фермопил годы.

⁵Объем сакральной власти, которой были наделены спартиатские цари, по греческим стандартам являлся колоссальным. Спартиатские цари, будучи верховными жрецами общины, заведовали отношениями Спарты с Дельфами и хранили записи оракульных ответов (Xen. Lac. pol. 15, 1–4). Цари были единственными доминантными фигурами, осуществлявшими контакты святилища в Дельфах и Спарте. Пифии, их помощники, скорее всего, полностью зависели от царей и подчинялись им. Цари, видимо, влияли не только на получение предсказания, но и на его толкование, а при необходимости и на раскрытие опасной или секретной информации [10, с. 264–266].

⁶По свидетельству Страбона, в Дельфах существовала практика переложения прозаических оракулов в тонические: «...пифия вдыхает испарения и затем изрекает оракулы в стихах и в прозе; прозаические оракулы перелажались в стихи поэтами, жившими при храме» (Strab. IX, 3, 5).

⁷В последней строке употребляется глагол διαδάττωαι, имеющий значения «разорвать», «растерзать». Комментаторы Геродота видят в этом намек на изувечение трупа Леонида по приказу разъяренного Ксеркса (Her. VII, 238) [11, comment. on VII, 220, 4].

⁸До этого подлинность оракула оспаривали К. Ю. Белох [13, S. 91ff] и Эд. Мейер [14, S. 348, Anm. 1].

Комментаторы трудов Геродота У. Хау и Д. Уэллс рассматривали дельфийское прорицание определенно как «предсказание после события». По мнению ученых, оно несовместимо с поведением Леонида в ходе всей военной кампании⁹. Дж. Эванс также не признает подлинности оракула и полагает, что он «заключает в себе все признаки *vaticinium post eventum*, призванного восстановить боевой дух в Греции после поражения спартанцев при Фермопилах» [17, р. 231]. Леонид, принимая решение сражаться у Фермопил, не мог руководствоваться этим пророчеством, поскольку его еще просто не существовало. В противном случае, как уверяет Дж. Эванс [17, р. 232], царь не оставил бы в своих рядах отряды феспийцев¹⁰ и фиванцев¹¹. В качестве требуемой жертвы вполне достаточно было гибели самого Леонида. Больше оракул ничего и не требовал. Даже гибель всего отряда была уже избыточной.

Еще одно объяснение появления поддельного оракула дает Дж. Фонтенроуз. По его мнению, прорицание является репликой оригинала – оракула из области мифической истории Афин: «Конечно, этот оракул сочинен *post eventum*, ибо он повторяет тему другого оракула, некогда данного мифическому царю Афин Кодру... Героическая смерть Леонида и его небольшого отряда напоминает эту старую легенду: Леонид, подобно Кодру, охотно умер, спасая свой город. Таким образом, это пророчество было сочинено как оракул, в котором героизм Леонида соответствовал бы легенде о Кодре»¹² [18, р. 78].

В последнее время исследователи, как правило, довольно осторожны в оценке подлинности Дельфийского оракула. Так, М. Лупи полагает, что по крайней мере метрический вариант пророчества не поддается однозначной оценке: «Семь стихотворных строк, кто бы их ни составил, по правде говоря, оставляют много сомнений, является ли этот оракул *post eventum* или нет» [19, р. 357]. Однако слишком явная ссылка на смерть царя, отмечает М. Лупи, заставляет склониться в пользу интерпретации стихотворного оракула как появившегося после событий у Фермопил [19, р. 359].

Аналогичного мнения придерживаются Н. Рише [20, р. 250] и Э. Пауэлл. Последний полагает, что имя

Леонид олицетворяет льва, упомянутого в стихотворном оракуле, а это соответствие слишком точное, чтобы быть подлинным. Подлинность данного пророчества вызывает сильные сомнения также из-за отсутствия в нем привычных для дельфийского пророчества черт: двусмысленности, трудно понимаемых аллегорий и вариативности толкований [12, р. 41].

В меньшем числе пребывают сторонники подлинности данного пророчества, особенно его поэтического варианта. Так, по словам Л. Э. Росси, единственной гарантией подлинности стихотворного прорицания является наличие в тексте «технической некорректности и стилистического уродства» [21, р. 208–209]. Однако его аргументы не кажутся нам особенно убедительными. Еще одним способом спасти репутацию оракула оказываются попытки связать его появление с другим историческим контекстом. По мнению Д. Кинаста, позднейшим измышлением следует признать не само прорицание, а толкование, которое дает ему Геродот. Немецкий исследователь относит возникновение дельфийского предсказания к более раннему эпизоду спартанской истории и связывает его с царем Демаратом, отстраненным от царской власти с помощью интриг Клеомена I. После событий при Фермопилах это прорицание, как считает Д. Кинаст, стали связывать с царем Леонидом [10, с. 265–266; 22, S. 125; 23, с. 25].

На основании краткого обзора можно предположить, что прозаическая и стихотворная версии оракула возникли в разное время. Первая версия, прозаическая, могла появиться, как свидетельствует Геродот, если не в самом начале войны, то в начале нашествия Ксеркса¹³ (Her. VII, 220, 3), а вторая версия, стихотворная, возникла уже после событий у Фермопил. Анализ стихотворного прорицания явно указывает на то, что оно создано тогда, когда уже было известно и об исходе сражения, и об изувечении трупа царя, а упоминание львиной силы, конечно, связано с именем главнокомандующего Леонида.

Но если это действительно так, то что подтолкнуло дельфийских жрецов дать первое прозаическое предсказание? Возможно, как это не раз бывало в истории отношений спартанских царей и Дельфийского

⁹Согласно Геродоту Леонид был послан во главе небольшого спартанского отряда в качестве авангарда, который должен был побудить членов Пелопоннесской лиги присоединиться к нему (Her. VII, 202). По окончании Карней спартанцы собирались отправить на помощь Леониду более внушительное войско. Видимо, так же после Олимпийских игр намеревались поступить и пелопоннесские союзники (Her. VII, 202–206). То, что помощь так и не была послана, Геродот объясняет слишком быстрым развитием событий (Her. VII, 206, 2).

¹⁰Отряд из 700 феспийцев был единственным, выразившим твердое желание остаться с Леонидом, и у царя не было никаких оснований отказываться от его помощи. Если судьба пелопоннесских союзников еще могла его волновать, то о спасении ополчения какого-то беотийского городка он думал меньше всего.

¹¹Трудно сказать, в каком качестве Леонид оставил при себе фиванцев: как заложников согласно повествованию Геродота (Her. VII, 222) или как добровольцев по версии адвоката беотийцев Плутарха (Mor. 867a, 867b = De Her. mal. 33). Этот вопрос остается дискуссионным.

¹²Описание данной мифической истории представлено в ряде работ античных авторов (Paus. VII, 25, 2; Cic. Tusc. disput. I, 116; Justin. II, 6, 20).

¹³Хронология Геродота не обладает абсолютной точностью.

оракула¹⁴, главным интересантом в данном случае оказался именно царь. Около 480 г. до н. э. Леонид был уже пожилым человеком. Он не так давно стал царем, а ранее, видимо, вел интриги против своего сводного брата царя Клеомена I. Во всяком случае его в этом подозревали. Возможно, во время своего правления Леонид искал любую возможность как-то отличиться. Перед серьезной военной угрозой со стороны армии Ксеркса, видимо, именно он отправился в Дельфы за советом и помощью божества. Леонид хотел возглавить союзное войско и надеялся, что благодаря недвусмысленному пророчеству, полученному в Дельфах, именно он, а не его более молодой коллега Леотихид (правил в 491–469 гг. до н. э.) добьется от эфоров этого назначения. Задумка Леонида осуществилась. Из двух царей выбор пал именно на него. Вероятно, Леонид сумел убедить эфоров в целесообразности назначения главнокомандующим войсками союзников именно его. В качестве аргумента в свою пользу он мог использовать полученное в Дельфах прорицание. Стоит заметить, что прозаическая и стихотворная формы оракула построены исключительно вокруг фигуры спартанского царя.

В прорицании идет речь о гибели царя как об обязательном условии спасения Спарты. В нем нет ни слова о необходимости гибели всего отряда воинов. Возможно, сразу после напрасной гибели 300 спартиатов (а именно так это могло восприниматься в Спарте) решение Леонида остаться в окружении и погибнуть не выглядело таким уж однозначным. В первый момент спартанцы вряд ли оценили тот колоссальный моральный ресурс, обладательницей которого стала Спарта, как оказалось, на многие века. Однако потеря 300 граждан выступила серьезным ударом для государства и значительно ускорила уже начавшийся процесс олигантропии («малолюдства»)¹⁵.

Вероятно, когда пророчество сбылось, семья Агиадов начала разрабатывать собственную интерпретацию событий, произошедших у Фермопил, согласно которой Леонид совершил акт самопожертвования. Причем такая интерпретация несколько отличалась от государственной точки зрения. Скорее всего, Агиады акцентировали

внимание исключительно на подвиге Леонида, а в официальной версии акцент делался скорее на подвиге 300 спартиатов, погибших вместе с царем [19, р. 354]. Указанные традиции различались, но имели спартанское происхождение. В ближайшие после событий у Фермопил годы и появился (не без участия Агиадов) стихотворный вариант краткого прозаического оракула, где тема гибели царя приобрела эпическое звучание. Агиадам, вероятно, снова помог Дельфийский оракул, с которым у семьи были длительные дружественные связи [1, р. 279; 19, р. 353–354].

Уже ко времени Геродота сложился романтизированный образ Леонида как героя и благочестивого царя, самоотверженно жертвующего собой ради спасения Родины. Это хорошо видно по той безусловно положительной оценке, которую дает Леониду Геродот. Историк высоко оценивает царя, утверждая, что тот «особенно достоин восхищения» (Her. VII, 204). Из контекста ясно, что Геродот имел в виду полководческие таланты Леонида. К своей оценке историк прилагает генеалогию царя, перечислив всех его предков вплоть до Геракла (Her. VII, 204). Подобное происхождение Леонида сближает его с гомеровскими героями и делает рассказ Геродота о Фермопилах эпически масштабным. Гомеровский колорит еще более усиливается в повествовании о смерти царя и борьбе за его тело (Her. VII, 224–225) [26, р. 238].

В трудах Геродота царь Леонид предстает в качестве отличного полководца, а не самоубийцы, погубившего и себя, и весь свой отряд. Рассказ Геродота, как отметили его комментаторы, «подразумевает только опасность, а не самоуничтожение» [11, comment. on VII, 221]. У Геродота нет даже намека на то, что роковое пророчество было для Леонида руководством к действию. Концепция героической гибели Леонида и его отряда полностью сложилась только в поздней историографии. И только тогда появилась версия, согласно которой Леонид, зная о своей участи, чуть ли не с радостью шел ей навстречу. Так, Плутарх сообщает, что «перед выступлением отряда Леонида в поход спартанцы устроили... надгробное состязание; зрителями на этом состязании были отцы и матери отправлявшихся»¹⁶

¹⁴Дельфы помогли Агиаду Клеомену I избавиться от своего соперника царя Демарата. Клеомен I привлек на свою сторону Кобона, «весьма влиятельного человека в Дельфах», и получил от пифии нужный ему ответ (Her. VI, 66). Возможно, здесь имел место подкуп. Дельфийские жрецы помогли вернуть власть Агиаду Плистоанакту (правил с большим перерывом в 459–409 гг. до н. э.), уличенному в получении взятки от врага (Thuc. II, 21, 1; V, 16, 3; Plut. Per. 22–23). Ходили слухи, что Плистоанакт, тяготясь участью изгнанника, отправился в Дельфы за помощью и получил ее (Thuc. V, 16, 2). Реабилитация Агиада Павсания, регента и героя Платей, также связана с Дельфами: от спартанцев неоднократно требовали достойно похоронить Павсания и воздвигнуть в его честь два памятника (Thuc. I, 134, 4; Diod. XI, 45, 8–9). Подобные сведения об особой связи между семьей Агиадов и Дельфами в V в. представлены в работе [24, р. 57–59].

¹⁵Под олигантропией имеется в виду катастрофическое сокращение гражданского населения Спарты, на что обращал внимание уже Ксенофонт (Lac. pol. 1, 1) [25].

¹⁶Перевод С. Я. Лурье.

(Plut. Mor. 866b = De Her. mal. 32)¹⁷. У Геродота такое свидетельство отсутствует.

Леонид и его отряд были удостоены небывалых почестей. На их примере воспитывалась спартанская молодежь. Недаром могилу Леонида поместили в центре Спарты близ агоры и святилища Афины¹⁸ (Paus. III, 14, 1). Там же находилась и стела с именами спартиатов, погибших вместе с царем [1, р. 279]. По словам Геродота, каждого из воинов Леонид знал поименно (Her. VII, 224). Это означает, что историк уже был свидетелем увековечения их памяти. Но саму стелу с именами спартиатов Геродот не упоминает, видимо, в те времена она еще не су-

ществовала. Вполне возможно, что процесс увековечения имен героев сражений у Фермопил, начавшийся в устной форме, позже олицетворился уже в виде записи на указанной стеле¹⁹ [29, р. 101–102]. Традицию «хоронить мертвых в самом городе и ставить надгробия близ храмов» Плутарх объясняет необходимостью усилить наглядную агитацию (особенно в отношении спартанской молодежи), наполнить «город множеством поучительных примеров» (Luc. 27, 1–2). Возможно, Леонид был первым спартанцем, удостоившимся чести иметь отдельный памятник, расположенный не в месте захоронения Агиадов²⁰.

Заключение

Спарта приложила значительные усилия, чтобы трансформировать военное поражение при Фермопилах в победу своих политических и моральных ценностей. Поведение Леонида и его отряда было признано в Спарте образцовым и стало обязательным этическим императивом для любого истинного спартиата. По словам Э. Пауэлла, «может быть, самым необычным достижением Спарты с участием Фермопил было создание мифа, который стал стимулировать ее собственных граждан к проявлению в целом успешной, хотя часто фатальной, храбрости в будущем» [8, р. 24].

Об успехе патриотического воспитания, основанного на подобных образцах, можно судить на примере Калликратида, спартанского наварха в 406–405 гг. до н. э., сменившего на этом посту Лисандра (Xen. Hell. I, 6, 1; Diod. XIII, 76; Plut. Lys. 6). Калликратида предсказывали смерть в битве и связывали ее со спартанской победой (Plut. Mor. 222f = Apoph. Lac. 43, 6), что напоминает о гибели Леонида у Фермопил. В афоризме, который Плутарх приписывает Калликратиду, четко прослеживается мысль о том, что государство имеет большую ценность, чем личность²¹. У Плутарха и Диодора (в отличие от Ксенофонта) мы находим уже вполне сконструированный в романтическом

ключе образ Калликратида, гибнущего ради спасения Отечества [30, р. 76].

За мифом о Леониде и его отряде скрывалась действительность, но она была сильно стилизованной и упрощенной по образцу любой патриотической пропаганды. Интегральной частью этого мифа стал оракул, согласно которому условием спасения Спарты была объявлена гибель ее царя. Геродот приводит обе версии этого прорицания как подлинные, но, на наш взгляд, прозаический и стихотворный варианты оракула возникли, скорее всего, в разное время. Первая версия, краткая, действительно могла появиться, как свидетельствует Геродот (Her. VII, 220, 3), в самом начале Греко-персидских войн. Леонид и его хитроумная жена Горго вполне могли иметь отношение к созданию подобного прорицания, хотя такая интерпретация событий в любом случае остается всего лишь предположением. Вторая же версия, тоническая, возникла уже после событий у Фермопил. Она представляет собой одну из деталей начавшейся после сражения кампании по прославлению его героев²². Судя по содержанию стихотворного варианта, он, вероятно, появился благодаря усилиям царского рода Агиадов, к которому принадлежал Леонид. Семья Агиадов более всего была заинтересована

¹⁷По Геродоту, «Леонид пришел в Фермопилы, отобрав себе, по обычаю, отряд в триста человек, и притом таких, у кого уже были дети» (Her. VII, 205, 2). Если последний фрагмент не был дописан позднее, то, видимо, Леонид вместо своей обычной свиты, состоявшей из 300 спартанских «всадников», отобрал такое же количество рядовых спартиатов, уже имеющих сыновей и не относящихся к «всадникам» [27, р. 68, 70]. Такой поступок вполне объясним. Предприятие было действительно связано с повышенным риском, а ценность жизни немногочисленных спартиатов, тем более «всадников», была достаточно высока. Спартанские «всадники» представляли собой элитарный отряд, куда входили 300 молодых людей в возрасте 20–29 лет, принадлежавших «к самым славным домам» Спарты (Dionys. Hal. II, 13, 1). Они охраняли царя в походе (Her. VIII, 124, 3; Thuc. V, 72, 4; Xen. Lac. pol. 4, 3), а в мирное время выполняли особо важные правительственные поручения (Xen. Hell. III, 3, 9). Леонид сохранил традиционную численность своей свиты, но изменил ее состав.

¹⁸Размещение могил в центре города было разрешенным актом, санкционированным согласно традиции еще Ликургом (Plut. Mor. 238d = Inst. Lac. 18).

¹⁹Все спартанцы, павшие при Фермопилах, почитались как герои даже в римское время (IG. V, 1, 660) [28, р. 153–154].

²⁰Захоронения в пределах городской черты в классический период считались исключительным явлением. Этой чести удостоились немногие, например Брасид в Амфиполе (Thuc. V, 11, 1), Эвфрон в Сикионе (Xen. Hell. VII, 3, 12) и Тимoleonт в Сиракузах (Plut. Tim. 29).

²¹У Диодора перед морским сражением при Аргинусах Калликратид заявляет о том, что готов умереть согласно полному предсказанию (Diod. XIII, 97, 4–98, 2).

²²Напомним, что на месте сражения при Фермопилах был воздвигнут целый комплекс надгробных памятников с эпитафиями, три из которых цитирует Геродот (Her. VII, 228).

как в реабилитации Леонида, лишившего Спарту 300 граждан, так и в интерпретации его действий как обязательных для правоверного спартиата. Стихотворный вариант прорицания является, по сути, комментарием к первой, краткой, версии. В нем содержится оправдание Леонида, у которого не было другого выхода, как пожертвовать собой и своими соратниками ради спасения Спарты. Возможно, оракул появился благодаря манипуляциям кого-либо из дружественных Агиадам дельфийцев.

Мы полагаем, что прозаический оракул никоим образом не влиял на принимаемые Леонидом решения. В трудах Геродота нет ни слова о том, что Леонид действовал под влиянием этого пророчества. Наоборот, Геродот изображает спартанского царя талантливым полководцем, принимающим стратегически верные решения. Видимо, Леонид, не будучи суеверным, мог использовать прорицания, особенно дельфийские, ради достижения своих целей²³, но при этом не обязательно следовал им.

Спартанские цари не раз пытались решать свои частные проблемы с помощью Дельфийского оракула. При острой необходимости цари вмешивались даже в процесс создания прорицаний, задавая Зевсу в Додоне или Аполлону в Дельфах такие вопросы, на которые можно было получить только нужный им ответ. Имен-

но так поступили Агесилай II (Plut. Mor. 208f–209a) и Агесиполид I (Xen. Hell. IV, 7, 2). Манипуляции с предсказаниями были обычными практиками спартанских басилевсов. Такой смелостью они сильно отличались от своих богобоязненных и крайне суеверных сограждан. Ведь, чтобы решиться на подкуп пифии или фабрикации предначертаний, требовалось проявить цинизм.

Можно сделать вывод о том, что основным мотивом Леонида, решившего остаться в Фермопилах даже после того, как он узнал об окружении, было твердо усвоенное с детства представление об образе спартиата, который не может показать свою спину противнику, не может обратиться в бегство. В этом были убеждены не только сами спартанцы, но и вся Греция. По словам Фукидида, «мнение о лакедемонянах заключалось в том, что ни голод, ни какая-либо крайность не заставят их сдать оружие, но они сохраняют его, сражаясь» (Thuc. IV, 40, 1). Спартанцев воспитывали на примере героических деяний их предков, для которых славная гибель в бою выступала ценностью. Героическая смерть спартанца прославляла не только его самого²⁴, но и всю его семью, была предметом гордости для всех его родственников (Xen. Hell. VI, 4, 16). Таким образом, для Леонида и для его отряда, состоящего только из спартиатов, об отступлении не было и речи.

Библиографические ссылки

1. Lupi M. Sparta and the Persian Wars, 499–478. In: Powell IA, editor. *A companion to Sparta. Volume 1*. Hoboken: Wiley-Blackwell; 2018. p. 271–290.
2. Grant JR. Leonidas' last Stand. *Phoenix*. 1961;15:14–27.
3. Harvey D. Leonidas the Regicide? Speculations on the death of Kleomenes I. Bowersock GW, Burkert W, Putnam MCJ, editors. *Arktouros. Hellenic Studies presented to Bernard M. W. Knox*. Berlin: De Gruyter; 1979. p. 253–260.
4. Cartledge P. *The Spartans: an epic history*. London: Channel 4 Books; 2002. 285 p.
5. Суриков ИЕ. *Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика*. Москва: Наука; 2005. 351 с.
6. Huxley GL. *Early Sparta*. London: Faber; 1962. 164 p.
7. Griffiths A. Was Kleomenes Mad? In: Powell A, editor. *Classical Sparta: techniques behind her success*. London: Routledge; 1989. p. 26–51.
8. Powell IA. Sparta. Reconstructing history from secrecy, lies and myth. In: Powell IA, editor. *A companion to Sparta. Volume 1*. Hoboken: Wiley-Blackwell; 2018. p. 3–28.
9. Hooker JT. Spartan propaganda. In: Powell A, editor. *Classical Sparta, techniques behind her success*. London: Routledge; 1989. p. 122–141.
10. Кулишова ОВ. *Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.)*. Санкт-Петербург: Гуманитарная академия; 2001. 432 с.
11. How WW, Wells J. *A commentary on Herodotus. Volume 2, books 5–9*. Oxford: Clarendon Press; 1912. 458 p.
12. Powell A. Divination, royalty and insecurity in Classical Sparta. *Kernos: Revue Internationale et Pluridisciplinaire de Religion Grecque Antique*. 2009;22:35–82. DOI: 10.4000/kernos.1767.
13. Beloch KJ. *Griechische Geschichte. Band 2*. Strassburg: Trübner; 1916. 432 S.
14. Meyer Ed. *Geschichte des Altertums. Band 4*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft; 1954. 356 S.
15. Parke HW, Wormell DEW. *The Delphic oracle. Volume 2, The oracular responses*. Oxford: Blackwell; 1956. 271 p.
16. Zeilhofer G. *Sparta, Delphoi und die Amphiktyonen im 5 Jahrhundert vor Christus* [dissertation]. Erlangen: [s. n.]; 1959. 80 S.
17. Evans JAS. The «final problem» at Thermopylae. *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1964;5(4):231–237.
18. Fontenrose JE. *The Delphic oracle. Its responses and operations, with a catalogue of responses*. Berkeley: University of California Press; 1978. 496 p.
19. Lupi M. Oracoli ed eroicizzazione: il sacrificio, il risarcimento e il recupero delle ossa di Leonida. In: Nicolai R, editor. *Seminari Romani di Cultura Greca, n. s. III*. Roma: Edizioni Quasar; 2014. p. 353–370.
20. Richer N. The religious system at Sparta. In: Ogden D, editor. *A companion to Greek religion*. Oxford: Blackwell; 2007. p. 236–252.

²³Спартанские басилевсы, судя по поступкам некоторых из них, например Клеомена I (Her. VI, 61–64; 75, 3; 79–81), не отличались особой религиозностью и не были суеверны. Это объясняется тем, что они пользовались большей свободой, чем остальные спартиаты. В частности, они были единственными спартанцами, освобожденными от многолетнего пребывания в школах-казармах (Plut. Ages. 1, 1), на них не распространялся закон, запрещающий выезжать за пределы страны (Xen. Lac. pol. 14, 4).

²⁴Могилы рядовых спартиатов были безымянными (Plut. Lys. 27, 2), но имена погибших в сражениях писались на могильных камнях (Plut. Mor. 238d = Inst. Lac. 18).

21. Rossi LE. Gli oracoli come documento di improvvisazione. Brillante C, Cantilena M, Pavese CO, editors. *I poemi epici rap-sodici non omerici e la tradizione orale. Atti del convegno; 1977 settembre 28–30; Venezia, Italy*. Padova: Antenore; 1981. p. 203–221.
22. Kienast D. Die Politizierung des griechischen Nationalbewusstseins und die Rolle Delphis im grossen Perserkrieg. In: Shubert C, Brodersen K, Huttner U, editors. *Rom und der griechische Osten. Festschriften fuer H. H. Schmitt zum 65 Geburtstag*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag; 1995. S. 117–133.
23. Кулишова ОВ. Дельфийский оракул в греко-персидском конфликте. *Вестник древней истории*. 2001;3:17–35.
24. Dimauro E. *Re contro. La rivalità dinastica a Sparta fino al regno di Agide II*. Alessandria: Edizioni dell’Orso; 2008. 217 p.
25. Doran T. Spartan oliganthropia. *Ancient History*. 2018;1–2:1–106.
26. Zali V. Suspense in Herodotus’ narrative of the battle of Thermopylae. Konstantakos IM, Liotsakis V, editors. *Suspense in Ancient Greek literature*. Berlin: De Gruyter; 2021. p. 229–241.
27. Lazenby JF. *The Spartan army*. Mechanicsburg: Stackpole Books; 2012. 280 p.
28. Gengler O. Leonidas and the heroes of Thermopylae: memory of the dead and identity in Roman Sparta. In: Cavanagh H, Cavanagh W, Roy J, editors. *Honouring the Dead in the Peloponnese. Proceedings of the conference; 2009 April 23–25; Sparta, Greece*. Nottingham: University of Nottingham; 2011. p. 151–161.
29. Allgaier B. *Embedded Inscriptions in Herodotus and Thucydides*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 2022. 198 p.
30. Scott AG. The Spartan heroic death in Plutarch’ Laconian Apophthegms. *Hermes. Zeitschrift für klassische Philologie*. 2015;143:72–82.

References

1. Lupi M. Sparta and the Persian Wars, 499–478. In: Powell IA, editor. *A companion to Sparta. Volume 1*. Hoboken: Wiley-Blackwell; 2018. p. 271–290.
2. Grant JR. Leonidas’ last Stand. *Phoenix*. 1961;15:14–27.
3. Harvey D. Leonidas the Regicide? Speculations on the death of Kleomenes I. Bowersock GW, Burkert W, Putnam MCJ, editors. *Arktouros. Hellenic Studies presented to Bernard M. W. Knox*. Berlin: De Gruyter; 1979. p. 253–260.
4. Cartledge P. *The Spartans: an epic history*. London: Channel 4 Books; 2002. 285 p.
5. Surikov IE. *Antichnaya Gretsya: politiki v kontekste ehpokhi. Arkhaika i rannyya klassika* [Ancient Greece: politicians in the context of epoch: Archaic and Early Classical period]. Moscow: Nauka; 2005. 351 p. Russian.
6. Huxley GL. *Early Sparta*. London: Faber; 1962. 164 p.
7. Griffiths A. Was Kleomenes Mad? In: Powell A, editor. *Classical Sparta: techniques behind her success*. London: Routledge; 1989. p. 26–51.
8. Powell IA. Sparta. Reconstructing history from secrecy, lies and myth. In: Powell IA, editor. *A companion to Sparta. Volume 1*. Hoboken: Wiley-Blackwell; 2018. p. 3–28.
9. Hooker JT. Spartan propaganda. In: Powell A, editor. *Classical Sparta, techniques behind her success*. London: Routledge; 1989. p. 122–141.
10. Kulishova OV. *Del’fiiskii orakul v sisteme antichnykh mezhgosudarstvennykh otnoshenii (VII–V vv. do n. eh.)* [The Delphic oracle in the system of ancient interstate relations (7th–5th centuries BC)]. Saint Petersburg: Gumanitarnaya akademiya; 2001. 432 p. Russian.
11. How WW, Wells J. *A commentary on Herodotus. Volume 2, books 5–9*. Oxford: Clarendon Press; 1912. 458 p.
12. Powell A. Divination, royalty and insecurity in Classical Sparta. *Kernos: Revue Internationale et Pluridisciplinaire de Religion Grecque Antique*. 2009;22:35–82. DOI: 10.4000/kernos.1767.
13. Beloch KJ. *Griechische Geschichte. Band 2*. Strassburg: Trübner; 1916. 432 S.
14. Meyer Ed. *Geschichte des Altertums. Band 4*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft; 1954.
15. Parke HW, Wormell DEW. *The Delphic oracle. Volume 2, The oracular responses*. Oxford: Blackwell; 1956. 271 p.
16. Zeilhofer G. *Sparta, Delphoi und die Amphiktyonen im 5 Jahrhundert vor Christus* [dissertation]. Erlangen: [s. n.]; 1959. 80 S.
17. Evans JAS. The «final problem» at Thermopylae. *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1964;5(4):231–237.
18. Fontenrose JE. *The Delphic oracle. Its responses and operations, with a catalogue of responses*. Berkeley: University of California Press; 1978. 496 p.
19. Lupi M. Oracoli ed eroizzazione: il sacrificio, il risarcimento e il recupero delle ossa di Leonida. In: Nicolai R, editor. *Seminari Romani di Cultura Greca, n. s. III*. Roma: Edizioni Quasar; 2014. p. 353–370.
20. Richer N. The religious system at Sparta. In: Ogden D, editor. *A companion to Greek religion*. Oxford: Blackwell; 2007. p. 236–252.
21. Rossi LE. Gli oracoli come documento di improvvisazione. Brillante C, Cantilena M, Pavese CO, editors. *I poemi epici rap-sodici non omerici e la tradizione orale. Atti del convegno; 1977 settembre 28–30; Venezia, Italy*. Padova: Antenore; 1981. p. 203–221.
22. Kienast D. Die Politizierung des griechischen Nationalbewusstseins und die Rolle Delphis im grossen Perserkrieg. In: Shubert C, Brodersen K, Huttner U, editors. *Rom und der griechische Osten. Festschriften fuer H. H. Schmitt zum 65 Geburtstag*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag; 1995. S. 117–133.
23. Kulishova OV. [The oracle of Delphi in the Greco-Persian conflict]. *Vestnik drevnei istorii*. 2001;3:17–35. Russian.
24. Dimauro E. *Re contro. La rivalità dinastica a Sparta fino al regno di Agide II*. Alessandria: Edizioni dell’Orso; 2008. 217 p.
25. Doran T. Spartan oliganthropia. *Ancient History*. 2018;1–2:1–106.
26. Zali V. Suspense in Herodotus’ narrative of the battle of Thermopylae. Konstantakos IM, Liotsakis V, editors. *Suspense in Ancient Greek literature*. Berlin: De Gruyter; 2021. p. 229–241.
27. Lazenby JF. *The Spartan army*. Mechanicsburg: Stackpole Books; 2012. 280 p.
28. Gengler O. Leonidas and the heroes of Thermopylae: memory of the dead and identity in Roman Sparta. In: Cavanagh H, Cavanagh W, Roy J, editors. *Honouring the Dead in the Peloponnese. Proceedings of the conference; 2009 April 23–25; Sparta, Greece*. Nottingham: University of Nottingham; 2011. p. 151–161.
29. Allgaier B. *Embedded Inscriptions in Herodotus and Thucydides*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 2022. 198 p.
30. Scott AG. The Spartan heroic death in Plutarch’ Laconian Apophthegms. *Hermes. Zeitschrift für klassische Philologie*. 2015;143:72–82.